

ЕВГЕНИЙ ЩЁЛОКОВ

ЗЕМНАЯ
КОНФЕДЕРАЦИЯ

ЛЮДИ
СИЛЬНЕЕ
ВМЕСТЕ

КОНТРУДАД

КОГДА ПОБЕДА, ЭТО ЕЩЁ НЕ КОНЕЦ,
А ТОЛЬКО НАЧАЛО

Евгений Щёлоков

Контрудар

«Автор»

2026

Щёлоков Е.

Контрудар / Е. Щёлоков — «Автор», 2026

Продолжение рассказа "Первый контакт". Человечество пытается оправиться от первого поражения. Дальнейшие потери колоний заставляет Земную Конфедерацию мобилизовать силы для того, что бы дать захватчику решительный отпор.

© Щёлоков Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Два года во тьме	5
Часть первая. Дом, который изменился.	7
Глава 1.	7
Глава 2.	9
Глава 3.	11
Глава 4.	12
Глава 5	14
Глава 6.	15
Часть вторая. Два фронта одной войны	16
Глава 1.	16
Глава 2.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Евгений Щёлоков

Контрудар

Пролог. Два года во тьме

Два года — это чуть более шестидесяти трех миллионов секунд. Долгин знал это число точно, потому что счет секундам был единственным, что осталось безраздельно принадлежать ему, единственной территорией, куда не могли дотянуться управляющие импланты его нового, чужого тела.

Он считал их все. Не потому, что счет имел какой-то смысл или практическую пользу — какой смысл может быть в подсчете мгновений для существа, запертого в собственном черепе без малейшей возможности повлиять хоть на одно из них, — а потому, что счет был единственным доказательством того, что он, Александр Долгин, адмирал Земного флота, все еще существует. Что где-то за гладкой металлопластиковой маской лица, которое больше не принадлежало ему, все еще теплится сознание, отказывающееся угасать вопреки всем законам разума и милосердия.

За эти два года его тело — он больше не мог называть его своим без, но иного слова не находилось — участвовало, по его собственным подсчетам, в сорока трех отдельных боевых операциях. Оно высаживалось на поверхности планет вместе с сотнями таких же особей, вырезало очаги сопротивления, гнало перед собой толпы обезумевших от ужаса колонистов к транспортным баржам, что увозили пленников на переработку. Оно убивало. Множество раз. Руками, что когда-то могли держать бокал вина на офицерском приеме, теперь сжимали хребты умирающих людей.

Долгин видел, как пали колонии Аркадия-7 и Беловодье — почти пятьсот тысяч жизней, стертых с лица галактики за считанные недели интенсивных боев. Видел, как исчезли с карты аванпосты Сумерки и Гранит, чьи названия он помнил еще по докладам разведки, составленным в те времена, когда сам был человеком, а не приложением к чужой воле.

Он видел перерабатывающие заводы — не единожды, а десятки раз, потому что его собственное тело порой конвоировало туда пленников. Огромные, гудящие механическими внутренностями сооружения, куда заводили людей живыми, а выпускали — если можно так сказать про существ, лишенных собственной воли, — уже кем-то другим. Он видел лица. Он помнил каждое из них, потому что память — единственное, что импланты не смогли у него отобрать.

Аванпост назывался Заря — маленькое поселение старателей на окраине очередной захваченной системы, едва ли три сотни жителей, добывавших редкие металлы в скалистых карьерах негостеприимной луны. Особь, в чьем теле находился Долгин, была в составе штурмовой группы, зачищавшей последние очаги сопротивления в жилом секторе.

Ополченец по имени Томас Ривера — Долгин узнал его имя позже, из обрывков переговоров, перехваченных сенсорами тела, — оборонял вход в убежище, где прятались женщины и дети поселка. У него был старый охотничий пистолет, безнадежно слабый против брони особей Хло, и решимость человека, которому больше нечего терять.

Особь надвигалась на него медленно, с той же лишенной эмоций методичностью, с которой она делала все — не потому что боялась одинокого стрелка, а потому что не умела бояться вовсе. Ривера выстрелил четыре раза подряд. Три пули срикошетили от нагрудной брони. Четвертая, то ли по счастливой случайности, то ли по отчаянной, инстинктивной меткости человека, увидевшего последний шанс, ударила прямо в лицевой имплант — туда, где у особи находился сложный узел сенсоров и, как выяснилось для Долгина много позже, часть контура, связывающего донорское сознание с управляющей программой.

Что-то внутри черепа особи — внутри его черепа, поправил себя Долгин, — вспыхнуло короткой судорогой помех. Он ощутил это как физическую боль, хотя нервная система тела давно уже не передавала боль в привычном смысле; это было скорее ощущение трещины, впервые за два года образовавшейся в стене его тюрьмы.

Особь занесла руку для удара, готовясь прикончить дерзкого стрелка. И в это самое мгновение Долгин, повинувшись чистой, необузданной ярости — ярости человека, вынужденного смотреть, как убивают ему подобных, — рванулся всем, что осталось от его воли, в сторону этой едва наметившейся трещины.

Рука дрогнула. Замерла на долю секунды в высшей точке замаха — та самая заминка, которую Особь не должна была допустить, которую не допускала ни разу за два года методичных убийств.

Но заминка длилась лишь мгновение. Управляющий контур, поврежденный, но не уничтоженный, восстановил связь, и рука довершила удар. Томас Ривера умер, так и не узнав, что на долю секунды чудовище, убивавшее его, было остановлено человеком, запертым внутри.

Долгин — то небольшое, что осталось от его личности после случившегося, — испытал одновременно отчаяние и что-то, отдаленно похожее на надежду. Ополченец все равно погиб. Его смерть не удалось предотвратить. Но впервые за два года беззвучного, бессильного крика Долгин почувствовал, что стена между его волей и телом не абсолютна. Что в ней есть трещина, пусть тонкая, пусть едва заметная, но настоящая.

Он не знал точно, сколько времени прошло между тем боем и следующим значимым моментом — время в его новом существовании текло рвано, отмеряемое не сменой дня и ночи, а сменой операций, переходов, периодов бездействия в ангарах транспортных кораблей. Но однажды, стоя в длинном ряду таких же, как он, особей, подключенных проводами подзарядки к креплениям в стене ангара, Долгин решился на эксперимент.

Он сосредоточился на указательном пальце правой руки. На той самой трещине, что открылась на аванпосте Заря. Он направил в нее всю волю, весь остаток человеческого упрямства, что еще теплился в его сознании.

Палец дернулся.

Едва заметно. Меньше миллиметра отклонения. Ни одна другая особь в ряду, ни одна система наблюдения, если таковая вообще следила за ними в период простоя, не заметила бы этого микроскопического движения.

Но для Долгина это было равносильно землетрясению. Впервые за два года его собственная воля, а не программа управляющих имплантов, заставила тело шевельнуться.

Надежда, которую он считал похороненной глубже, чем его собственное человеческое имя, шевельнулась вместе с этим пальцем.

Еще не всё потеряно, подумал он, и эта мысль, беззвучная, невидимая, недоступная никому во вселенной, кроме него самого, стала первым камнем в фундаменте того, что должно было занять еще очень, очень много времени.

Часть первая. Дом, который изменился.

Глава 1.

На Земле, за десятки тысяч световых лет от аванпоста Заря, в северном полушарии азиатского континента, зима вступала в свои права над древним городом Новосибирском так же, как делала это уже сотни лет — снег падал на крыши домов, реки покрывались льдом, а люди кутались в теплую одежду, спеша по своим делам. Внешне ничего не изменилось. Но если приглядеться внимательнее, а за два года войны приглядываться внимательнее пришлось научиться каждому, становилось видно, насколько иначе теперь текла жизнь на планете, которую эта война официально еще не коснулась напрямую.

Два года минуло с того дня, когда капитан Дэвид Ортега передал в эфир последнее донесение о первом контакте с расой Хло. Два года с гибели корабля «Надежда». Два года с падения Новой Веги и потери половины флота Конфедерации в одном-единственном, страшном сражении. Эти цифры знал теперь каждый школьник, каждый диктор новостей повторял их с той механической регулярностью, с какой прежде сообщали прогноз погоды.

Но между большими цифрами исторических хроник и повседневной жизнью обычных людей лежала пропасть, которую первыми ощутили на себе те, чьи судьбы перекроила война.

Елена Ортега жила теперь в маленькой квартире на окраине Новосибирска, не в том просторном доме офицерского городка, куда она переехала после свадьбы с Дэвидом, а в обычном гражданском квартале, куда пришлось перебраться после того, как флот официально признал капитана Ортегу погибшим при исполнении, наградил его посмертно орденом за героизм и назначил семье пенсию, которой, впрочем, едва хватало на жизнь в городе, где цены на все — от продуктов до отопления — росли месяц за месяцем на фоне военных расходов.

Она помнила, как это было прежде. Просторная кухня с окном на космодром, откуда открывался вид на стартующие в глубокий космос корабли. Свежие фрукты с орбитальных ферм, доступные в любом магазине без всяких ограничений. Дэвид, приезжающий домой в увольнительную, всегда с каким-нибудь маленьким подарком для мальчиков — то моделькой корабля, выструганной собственными руками во время долгих смен на мостике, то диковинным камнем с какой-нибудь далекой планеты.

Теперь по утрам, прежде чем разбудить сыновей в школу, она проверяла карточку рациона — сколько граммов мяса, сколько единиц энергии осталось на этот месяц, потому что военный налог и распределение ресурсов на нужды флота урезали гражданское потребление уже на треть от довоенного уровня.

— Мам, а можно сегодня добавку каши? — спросил Норман, младший, которому уже исполнилось десять, за завтраком, состоявшим из скромной овсянки без привычных прежде фруктовых добавок.

— Норман, ты же знаешь правила, — мягко, но твердо ответила Елена, разливая по тарелкам оставшуюся кашу поровну между сыновьями. — Пока папин флот... — она осеклась на полуслове, как случалось с ней уже два года при упоминании мужа, — пока флот не разобьет Хло, всем приходится немного экономить.

Двенадцатилетний Нил, старший, сидевший за столом с той не по годам серьезной сосредоточенностью, что появилась у него после гибели отца, поднял голову от своей тарелки.

— Когда я вырасту, я пойду во флот, — сказал он тем твердым, не терпящим возражений тоном, каким говорят дети, уже принявшие важное для себя решение. — И я убью столько Хло, сколько смогу. За папу.

Елена почувствовала, как сердце сжимается, не от гордости, хотя было и это, а от страха за сына, чья ненависть к врагу, унесшему отца, разгоралась год от года все ярче, вытесняя собой обычную детскую беззаботность.

— Нил, — сказала она тихо, — твой папа хотел бы, чтобы ты вырос счастливым, а не...

— А не мстительным? — резко перебил ее сын, и в его глазах, слишком взрослых для двенадцатилетнего мальчика. — Мама, они убили папу. Кто-то должен их остановить.

Елена не нашлась, что ответить. Она лишь притянула сына к себе, обняла крепко, будто пытаясь защитить его — если не от войны в целом, то хотя бы от той тьмы, что уже поселилась в его сердце.

Глава 2.

Адмирал Геннадий Невил стоял в своем новом кабинете — куда более просторном, чем прежний, но от этого не менее давящем своей ответственностью, — и смотрел на голографический документ, только что полученный от Верховного командования и Совета Земной Конфедерации.

Приказ был предельно ясен по формулировке и пугающе широк по содержанию: адмирал Невил назначался единоличным командующим операцией «Возмездие», получая при этом полномочия, каких не имел ни один военачальник Конфедерации со времен основания флота — право реквизировать любые промышленные мощности, любые корабли, любые ресурсы колонизированных миров для нужд операции, право обходить обычные бюрократические процедуры согласования, право единолично определять стратегические приоритеты обороны на границе с территорией Хло.

Он вспомнил, как два года назад Долгин, сидя в этом же самом здании, пытался убедить его в реальности надвигающейся угрозы, а он, Невил, отмахивался от этих предупреждений скептицизмом человека, не желавшего верить в худшее. Теперь он получил не просто подтверждение правоты покойного друга, теперь он получил бремя, которое сам Долгин нес бы, доживи он до этого дня.

Александр, — подумал Невил, глядя на голографический портрет Долгина, до сих пор висевший на стене кабинета в память о погибшем адмирале, — жаль, что тебя нет рядом. Ты бы справился с этим лучше меня.

Он не мог знать, насколько горькой была бы ирония этих слов, узнай он правду о судьбе своего друга.

Следующие полтора года — а именно столько времени отделяло момент назначения Невилы от финальной подготовки к операции «Возмездие» — стали периодом беспрецедентной, тотальной мобилизации всей экономики Земной Конфедерации.

Верфи Марса, прежде специализировавшиеся на гражданских транспортных судах, теперь круглосуточно клепали корпуса эсминцев. Орбитальные доки Ганимеда, где раньше собирали пассажирские лайнеры для туристических рейсов к внешним планетам, перепрофилировали под сборку крейсеров нового поколения. Даже небольшие колониальные верфи, прежде обслуживавшие лишь местные нужды, были интегрированы в единую производственную сеть, поставляя компоненты для сборки на центральных предприятиях.

— Темпы производства выросли на триста двенадцать процентов по сравнению с довоенным уровнем, — докладывал Невилу на еженедельном совещании штаба капитан 2 ранга Ирина Соколова — та самая аналитик, что два года назад под руководством Долгина одной из первых заподозрила вторжение по косвенным признакам, а теперь возглавляла аналитический отдел уже в штабе самого Невилы. — Но верфи работают на пределе человеческих возможностей, адмирал. Рабочие смены увеличены до двенадцати часов, три смены в сутки без выходных. Люди на грани физического истощения.

— У нас нет выбора, капитан, — жестко ответил Невил. — Каждый день промедления — это лишний корабль Хло, который встретит наш флот.

Рядом с Соколовой сидели двое ее коллег, также перешедших под командование Невилы после гибели их прежнего начальника, — капитан 3 ранга Марк Уэллс, специалист по инженерным системам, и лейтенант-коммандер Джамал Осей, аналитик сигнальных аномалий. Оба они, как и Соколова, помнили тот день, когда скептически отвергали версию Долгина о вторжении, и оба теперь работали с удвоенным усердием, будто пытаясь искупить ту давнюю ошибку недоверия.

— Что с новыми системами вооружения, капитан Уэллс? — спросил Невил, переходя к следующему пункту повестки совещания.

Уэллс, вздохнув, развернул на голографическом столе схему перспективных разработок. — Плохие новости, господин адмирал. Проект «Феникс» — новая генерация энергетических щитов — по самым оптимистичным прогнозам, будет готов к серийному производству не раньше чем через три года. Проект «Скорпион» — торпеды с боеголовками, способными создавать направленный электромагнитный импульс для вывода из строя нейросетевых имплантов особей Хло, — находится еще на стадии лабораторных испытаний. Теоретически многообещающе, практически — не менее пяти лет до боевой готовности.

Невил стиснул зубы. Идея нейтрализующих торпед, способных отключать контроль над захваченными Хло существами, казалась ему особенно важной не только с военной, но и с моральной точки зрения, ведь она давала призрачную надежду на то, что однажды удастся освободить, а не просто уничтожить тех несчастных, кого превратили в оружие против собственного вида. Но пять лет — это была роскошь, которой у Конфедерации попросту не было.

— Значит, придется обходиться тем, что есть уже сейчас, — заключил он. — Что с броней?

— Здесь новости получше, — доложил Уэллс, оживляясь. — Программа «Панцирь» готова к массовому внедрению. Суть в дополнительном бронировании корпусов кораблей многослойными плитами из карбид-вольфрамового композита с керамическим наполнителем — именно такая структура показала наилучшую сопротивляемость энергетическому оружию Хло в ходе испытаний на трофейных образцах их вооружения, что мы сумели собрать после Новой Веги.

— Цена? — спросил Невил, хотя уже догадывался, каким будет ответ.

— Существенное снижение маневренности. Дополнительная масса брони требует либо увеличения мощности двигателей, а это удлиняет сроки постройки, которых у нас нет, — либо смирения с падением ускорения и маневренных характеристик на тридцать пять — сорок процентов по сравнению со стандартной конфигурацией.

Невил долго молчал, обдумывая решение, от которого зависела судьба тысяч экипажей будущего флота.

— Делайте это, — сказал он наконец. — Мы не выиграем эту битву за счет маневра — мы уже пробовали маневрировать против Хло, и они оказались быстрее и точнее нас в любой ситуации, требующей скорости реакции. Значит, будем сражаться иначе. Превратим каждый крейсер в летающую крепость. Пусть они бьют по нашим бортам сколько угодно. Если наша броня выдержит достаточно долго, то наши орудия успеют сделать свою работу.

Глава 3.

В другом районе Новосибирска, там, где прежде располагался завод, производивший детские игрушки и бытовую электронику — голографические конструкторы, обучающие роботы-компаньоны, простенькие модельки космических кораблей, — теперь с раннего утра до позднего вечера гудели совсем иные станки.

Мастер цеха Пётр Гаврилов, невысокий крепкий мужчина пятидесяти с лишним лет, проработавший на этом предприятии почти тридцать лет, стоял у конвейерной линии, наблюдая, как вместо разноцветных пластиковых деталей игрушечных звездолетов с линии сходят компоненты для настоящих — узлы систем наведения для торпедных установок, требующие ювелирной точности сборки.

— Пётр Иванович, — обратилась к нему молодая работница, недавно переведенная на завод по программе трудовой мобилизации, — раньше здесь ведь игрушки делали?

— Делали, Настя, — кивнул Гаврилов, разглядывая через увеличительное стекло очередной готовый узел на предмет дефектов. — Тридцать лет я эти игрушки собирал. Знаешь, сколько детей во всей Конфедерации играли в кораблики, что мы тут делали?

— И как это теперь? — спросила Настя, кивая на новые станки. — Тяжело перестроиться?

Гаврилов на мгновение задумался, вспоминая тот день полтора года назад, когда пришел приказ о конверсии предприятия — приказ, который никто не оспаривал, потому что после новостей о Новой Веге спорить о таких вещах казалось кощунством.

— Знаешь, что самое странное, Настя? — сказал он наконец. — Точность та же самая. Что игрушечный кораблик собирать, чтобы у него моторчик не заедал, что этот узел — чтобы торпеда точно в цель шла. Руки те же, только теперь от моей ошибки не расстроенный ребенок будет, а, может, чей-то сын на фронте погибнет, если система наведения подведет.

Он помолчал, а потом добавил тише, будто самому себе:

— Раньше я гордился, когда видел ребенка с моей игрушкой в руках. Теперь горжусь, если слышу, что очередной корабль Хло был сбит нашей торпедой. Времена другие, а гордость, выходит, та же самая осталась. Просто повод сменился.

Глава 4.

Пока промышленность работала на пределе, штаб Невила организовал сеть разведывательного патрулирования вдоль предполагаемого вектора продвижения армады Хло — той самой прямой линии, что два года назад Долгин и его аналитики вычислили по цепочке пропавших колоний, ведущей от Тау Кита через Гефест-3 к Новой Веге и дальше, вглубь освоенного человечеством пространства.

— По нашим расчетам, — докладывала Соколова, — на пути дальнейшего продвижения армады лежат две колонии примерно на равном удалении друг от друга. Гранада-3 — население чуть более миллиона человек, развитая горнодобывающая промышленность, собственная орбитальная крепость «Цитадель» и достаточно мощная система планетарной обороны. И Новый Краснодар — аграрный мир с населением в двенадцать миллионов человек, но обороноспособность там минимальна, поскольку колония никогда не рассматривалась как стратегически важная в военном отношении.

Невил долго смотрел на голографическую карту, где обе колонии были отмечены яркими точками на пути неумолимо приближающейся угрозы.

— Двенадцать миллионов против одного, — тихо произнес он. — Но с промышленностью и обороной у одного миллиона, и практически без обороны у двенадцати.

Он знал, что решение, которое ему предстоит принять и отстоять перед советом Конфедерации, станет одним из самых тяжелых в его карьере — и одним из самых спорных с точки зрения простой человеческой морали.

Экстренное заседание Совета Земной Конфедерации, посвященное выбору места генерального сражения, собралось в том же зале, где два с небольшим года назад Долгин впервые доложил о начале войны. На этот раз за столом сидели уже знакомые лица — советник Хелена Брандт, чья должность ответственной за внешние связи приобрела теперь горько ироничный смысл в свете того, что единственным внешним контактом человечества оказалась беспощадная война, — и новые участники: губернатор Нового Краснодара Дмитрий Осадчий, прилетевший на Землю лично, чтобы отстоять судьбу своей колонии, и министр экономики Юлия Стрельцова, чьей заботой было выживание всей экономики Конфедерации, а не только военных нужд.

— Адмирал Невил, — начала Брандт, — изложите совету вашу рекомендацию по выбору места сражения.

Невил поднялся, обвел взглядом присутствующих и заговорил без обиняков, как делал это всегда, невзирая на то, насколько неприятной могла показаться его прямота.

— Рекомендую сосредоточить оборону у Гранады-3, — сказал он. — Эвакуировать Новый Краснодар полностью, без попыток организовать там сколько-нибудь серьезное сопротивление.

Губернатор Осадчий вскочил с места, его лицо побагровело от возмущения. — Вы предлагаете бросить двенадцать миллионов человек на произвол судьбы?! Адмирал, при всем уважении, это чудовищно! Гранада-3 — это миллион жителей, Новый Краснодар — двенадцать! Простая арифметика говорит, что мы должны защищать именно мой мир!

— Простая арифметика, губернатор, здесь неприменима, — жестко ответил Невил, не повышая голоса, что делало его слова еще весомее на фоне эмоциональной вспышки Осадчего. — У нас физически нет достаточно сил, чтобы полноценно защитить оба мира одновременно. Если мы разделим флот пополам, мы гарантированно проиграем оба сражения. Если мы сосредоточим все силы у Гранады-3, где уже существует развитая орбитальная оборона и промышленная инфраструктура, способная поддерживать флот в затяжном сражении, у нас появляется реальный шанс на победу.

— А что будет с моими людьми, пока вы будете сражаться за чужую колонию?! — воскликнул Осадчий.

— Их будут эвакуировать, губернатор, — ответил Невил. — Все транспортные мощности, какие только можно выделить, будут брошены на эвакуацию Нового Краснодара в ближайший месяц. Мы не бросаем ваших людей на верную гибель — мы забираем их с линии огня, туда, где они будут в безопасности, пока флот сражается там, где у нас есть реальный шанс на победу.

— А если вы проиграете это сражение? — тихо спросила Стрельцова, до этого молчавшая. — Что тогда?

Невил помолчал секунду, прежде чем ответить с той обезоруживающей честностью, что снискала ему уважение даже тех, кто не всегда соглашался с его решениями.

— Если мы проиграем при Гранаде-3, — сказал он, — то Новый Краснодар всё равно падёт следом, вместе со всеми оставшимися там людьми, эвакуированными или нет, потому что после разгрома нашего последнего собранного в кулак флота у Хло не останется преград на пути к сердцу Конфедерации. Разница лишь в том, что при моем плане у нас хотя бы будет шанс победить. При любом другом раскладе мы гарантированно теряем обе колонии — просто по очереди, а не одновременно.

В зале повисла тяжелая тишина. Осадчий медленно опустил обратно в кресло, его гнев сменился горьким, беспомощным осознанием того, что аргументы адмирала, при всей их холодной жестокости, были логически безупречны.

— Хорошо, — произнесла наконец Брандт, обводя взглядом присутствующих и не встретив явных возражений. — Совет одобряет план адмирала Невил. Гранада-3 становится местом генерального сражения. Немедленно начинается полная эвакуация Нового Краснодара.

Глава 5

На центральной площади города, там, где прежде располагался популярный молодежный клуб, теперь работал призывной пункт флота — и очередь у его дверей не иссякала с самого открытия.

Девятнадцатилетняя Катя Воронцова стояла в этой очереди уже третий час, сжимая в руках распечатанную анкету, и разглядывала огромный голографический плакат над входом: изображение звездного крейсера, разрезающего тьму космоса, и надпись крупными буквами — «Флот нуждается в тебе! Каждый доброволец приближает Возмездие!».

— Ты серьезно решила? — спросил стоявший рядом с ней в очереди молодой человек, ее давний знакомый по университету. — Ты же на инженерный поступала, Кать. Могла бы на верфях работать, не обязательно в кресло пилота садиться.

— А ты почему тогда здесь стоишь, Игорь? — парировала Катя.

Игорь смутился, но не нашел, что возразить. — Потому что после Новой Веги я больше не могу просто сидеть и смотреть новости, — признался он наконец. — Там же были люди. Настоящие. Двести пятьдесят тысяч человек, и большинство из них... — он не закончил фразу, но оба понимали, о чем речь: о судьбе, которая, по слухам, просачивающимся из закрытых источников, ждала тех колонистов, что не успели эвакуироваться или погибнуть в бою.

Официально Конфедерация не подтверждала слухов о переработке пленных в новых солдат Хло — эта информация, добытая ценой жизни экипажа «Стрижа» и всех защитников Новой Веги, была засекречена настолько плотно, что даже большинство членов совета не имело к ней полного доступа. Но слухи, как это всегда бывает, находили дорогу сквозь любую секретность, обрастая по пути домыслами и искажениями, но сохраняя зерно ужасающей правды.

— Мобилизации ведь еще нет, — заметила Катя. — Мы могли бы просто жить дальше. Многие так и делают.

— Многие, — согласился Игорь. — Но не мы с тобой, видимо.

Очередь медленно продвигалась вперед, и когда наконец подошла очередь Кати, сотрудница призывного пункта, уставшая женщина средних лет, за день принявшая, наверное, не одну сотню таких же анкет, просто кивнула ей на медицинский кабинет для первичного осмотра — без лишних слов, без пафоса, свойственного плакатам снаружи. Война для тех, кто работал по эту сторону призывных пунктов, давно перестала быть героическим приключением из пропагандистских роликов.

Глава 6.

К моменту, когда до предполагаемого начала генерального сражения оставался примерно месяц, экономика Земной Конфедерации трещала по швам под грузом полугодовой тотальной мобилизации. Военный налог, введенный сразу после назначения Невилла, вырос за это время уже втрое, поглощая значительную часть доходов рядовых граждан. Гражданские товары — от бытовой электроники до предметов роскоши — практически исчезли с прилавков, замененные строгой системой распределения, ориентированной в первую очередь на нужды военной промышленности.

Социальное напряжение в обществе росло вместе с экономическими тяготами. В новостных лентах то и дело мелькали сообщения о стихийных протестах в отдельных городах — не против самой войны как таковой (немногие решались открыто выступать против необходимости обороны), а против конкретных мер экономии, затрагивавших повседневную жизнь миллиардов людей, живших прежде в комфорте и относительном изобилии, к которому успело привыкнуть не одно поколение.

Но всеобщая мобилизация в привычном смысле этого слова, с принудительным призывом всех граждан подходящего возраста, пока не объявлялась. Приток добровольцев, подобных Кате Воронцовой и ее другу Игорю, оставался достаточным для пополнения формируемых экипажей, а память о довоенном изобилии еще не окончательно стерлась под грузом новых тягот, позволяя большинству людей воспринимать войну как нечто важное, но все же происходящее где-то далеко, на самой границе освоенного пространства, а не непосредственно затрагивающее их собственную жизнь.

— Все наладится, как только Невилл разобьет их флот, — говорили люди друг другу в очередях за продуктами по карточкам, в переполненных общественных транспортах, в редкие минуты отдыха после удлиненных смен на военных предприятиях. — Вот увидите, одна победа — и всё вернется на круги своя.

Никто из них не подозревал, насколько наивной была эта надежда, и какую цену придется заплатить не только флоту, собранному Невиллом, но и всей Конфедерации, прежде чем нынешняя война хоть немного приблизится к разрешению.

Враг же продолжал наступление — медленно, но неотвратимо, подобно цунами, чья приближающаяся волна еще не видна с берега, но чья неизбежность уже ощущается всем телом земли, дрожащей в преддверии удара.

Часть вторая. Два фронта одной войны

Глава 1.

На борту транспортного корабля Хло, затерянного где-то в глубинах пространства, куда не долетали вести ни с Земли, ни с Гранады-3, ни с любой другой планеты Конфедерации, Александр Долгин — вернее, то небольшое, что осталось от его личности, надежно упрятанное за фасадом бездушной особи, — продолжал свою одинокую, невидимую окружающим борьбу за возвращение контроля над собственным телом.

Прошло уже два месяца с момента боя за аванпост Заря, два месяца с той минуты, когда его палец впервые дрогнул по его собственной воле. За эти два месяца, по счастливому — если это слово вообще было уместно в его положении — стечению обстоятельств, транспортный корабль, на котором он находился, не участвовал ни в одной активной боевой операции. Особи стояли рядами в ангаре, подключенные к системам подзарядки, ожидая нового приказа откуда-то из недр командной структуры Хло. И это вынужденное бездействие дало Долгину бесценный ресурс, которого ему так не хватало все предыдущие два года: время для размышлений.

Он использовал это время методично, по-военному системно, как привык подходить к любой аналитической задаче за годы службы в разведке флота. Наблюдать — единственное, что оставалось доступным ему, помимо редких моментов частичного контроля, за действиями окружающих его особей и координацией их действий в ходе редких учебных активаций, он начал замечать закономерности.

Особи одного десантного отряда, судя по всему, управлялись неким централизованным разумом или искусственным интеллектом низшего уровня — вероятно, интегрированным в структуру самого транспортного корабля. Этот разум координировал их движения с той слаженностью роя, что Долгин наблюдал еще во время первых столкновений человечества с Хло. Но существовали и более крупные, согласованные маневры — синхронизация действий сразу нескольких десантных групп с разных транспортов, что указывало на существование управляющего интеллекта более высокого порядка, координирующего уже не отдельные отряды, а целые эскадры.

Значит, есть иерархия, — размышлял Долгин, наблюдая за очередным построением особей перед погрузкой на десантные боты. — Локальный разум для группы, разум более высокого уровня для эскадры. А значит, где-то там, на вершине этой пирамиды, должен существовать центральный интеллект, координирующий всю армаду в целом.

Эта мысль занимала его неотступно. Если Хло управлялись подобной иерархической структурой, а не были просто разрозненным роем самостоятельных единиц, то уничтожение или хотя бы серьезное повреждение этого центрального управляющего разума теоретически могло дезорганизовать всю их военную машину — открытие, которое, доберись оно до штаба Земного флота, могло бы изменить весь ход войны.

Долгин также сумел, методом бесконечных, изматывающих попыток, растянутых на недели субъективного времени, разобраться в природе того самого повреждения, что дало ему первую трещину в стене несвободы.

Лицевой имплант, куда попала пуля Томаса Риверы, судя по всему, являлся не просто сенсорным узлом, как он предполагал изначально, а важной частью контура, связывающего донорское сознание — то есть его, Долгина, изначальную человеческую психику — с управляющей программой особи. Повреждение этого узла не разорвало связь полностью, но создало своего рода помехи, кратковременные провалы в постоянном, безраздельном контроле имплантов над телом.

Со временем, путем осторожных, едва заметных для внешнего наблюдателя экспериментов, Долгин научился намеренно вызывать и использовать эти провалы, расширяя моменты собственного контроля с долей секунды до нескольких секунд, а затем — хотя это давалось куда труднее — до нескольких минут кряду.

Он также обнаружил, что может по собственной воле возвращать контроль импланту, отпуская тело обратно под власть программы - навык, оказавшийся критически важным, потому что, не зная, следят ли за особями хоть каким-то образом в период простоя, Долгин не решался рисковать разоблачением до тех пор, пока не будет полностью уверен в своих возможностях.

Если они узнают, что я в сознании, — думал он, — они либо уничтожат это тело, либо, что вероятнее, изолируют меня как аномалию для изучения. В любом случае, моя единственная надежда на возвращение будет потеряна навсегда.

Глава 2.

Настал момент, когда Долгин решил, что готов проверить пределы своих возможностей на практике, а не только в теории. Дождавшись периода, когда активность вокруг него, насколько он мог судить по едва уловимым изменениям в освещении и вибрации корпуса корабля, окажется минимальной, он сосредоточился на разрыве связи с системой подзарядки.

Провода, удерживавшие его тело в строю остальных особей, отсоединились с тихим щелчком. Долгин замер на месте, ожидая реакции, тревожного сигнала, приближающихся звуков активации других особей, готовых пресечь его самовольство. Ничего не произошло.

Он сделал первый шаг.

Это было странное, головокружительное ощущение — двигать конечностями по собственной воле после двух лет полного бессилия, даже если эти конечности принадлежали чужому, механизированному телу. Ноги слушались с непривычной плавностью, лишенной той неуклюжести, что помнило его прежнее, человеческое тело в моменты усталости или боли. Он прошел несколько метров вдоль ряда неподвижных, подключенных к зарядке особей, ловя себя на абсурдной, почти истерической мысли о том, что выглядит он сейчас, наверное, именно так, как выглядели зомби в старых фильмах ужасов, которые он смотрел когда-то очень давно, в другой жизни.

Ангар транспортного корабля оказался огромным пространством, терявшимся в полумраке за пределами тускло освещенных рядов подзарядки. Долгин методично обошел периметр помещения, ища выход и не нашел ничего похожего на дверь в привычном человеческом понимании.

Логично, — подумал он, анализируя увиденное. — Зачем кораблю, лишенному живого экипажа в человеческом смысле, обычные двери? Особи грузятся и выгружаются исключительно через главную аппарель для десантирования. Внутренних переходов для персонала попросту не предусмотрено, потому что персонала как такового здесь нет.

Но методичный осмотр стен ангара вознаградил его иначе: в нескольких местах, скрытые за выступами обшивки, обнаружились узкие технические лазы, судя по всему, предназначенные для автоматизированного обслуживания систем корабля, а не для перемещения живых существ, но достаточно широкие, чтобы гибкое, механически усиленное тело особи могло протиснуться внутрь.

Долгин выбрал один из лазов почти наугад и двинулся вглубь, ориентируясь на слабое свечение проложенных вдоль стен светящихся полос, аналог аварийного освещения, необходимого для обслуживающих роботов корабля.

Лаз привел его в небольшое помещение, вид которого заставил его замереть в смеси ужаса и болезненного любопытства.

В центре комнаты, подключенное к сложному переплетению проводов и трубок, пульсировало нечто, напоминающее огромную голову неведомого животного, гладкую, лишенную видимых глаз или иных органов чувств в привычном понимании, но явно живую, судя по едва заметному ритмичному сокращению тканей на ее поверхности. От этой чудовищной, органической структуры тянулись бесчисленные кабели, уходящие в стены помещения и, судя по всему, дальше в глубины систем управления самого корабля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.